

Куропятник А.И.

Мультикультурализм, нация, идентичность (перспективы мультикультурного развития России)

Проблемы устойчивости, социальной стабильности полиэтнических обществ, рассматриваемые через призму концепций и теорий мультикультурализма, вызвали к жизни такие важные темы научных дискуссий, как социальная стабильность и идентичность населения, сопряженность национальной и региональной, локальной идентичностей в системе национальной идеологии и т.д. Эти дискуссии, как представляется, имеют важное значение для исследования тенденций развития, способов, механизмов, характера и объемов самоидентификации населения России, их логичного включения в идентичность общенациональную. В этой связи уместно поставить ряд весьма сложных вопросов. Какова перспектива развития национального общества, если в его границах региональная, этнорегиональная идентичности доминируют над идентичностью общенациональной? Следует ли приветствовать и всячески укреплять региональную идентичность в ущерб идентичности общероссийской или стоит задуматься над тем, как учесть интересы населения всех регионов, субъектов Федерации и сложившиеся территориальные идентичности рассматривать как достояние, стабилизационный фонд идентичности общенациональной. Однозначного ответа на эти вопросы, конечно, быть не может. Предстоят сложные исследования. Но уже сегодня можно с известной долей уверенности говорить о том, что общенациональная идентичность может существовать только на основе комплекса национальных политик, в рамках которых региональные идентичности обретут свои осмысленные и эмоционально окрашенные новые конфигурации.

Рассуждения о мультикультуральной перспективе России должны иметь в виду два важных обстоятельства. Во-первых, модели мультикультурализма «иммигрантских обществ» лишь отчасти соответствуют российским реалиям.

Они могут быть весьма полезными при исследовании иммигрантских сообществ в крупных российских городах, в некоторых регионах, где произошло резкое изменение этнокультурной среды вследствие миграции, вызванной войнами или конфликтами. Во-вторых, значительную часть населения страны составляют не группы, сформировавшиеся в результате миграций, а народы, имеющие свои исторические этнические территории, язык, культуру и особое видение перспектив развития в границах российского общества. Применительно к этим общностям или этнокультурным сообществам из методологии мультикультурализма могут быть использованы концепции социальной интеграции, базирующиеся на толерантности и признании. Категории «государство», «нация», «национальное общество», «идентичность» будут иметь при этом принципиальное значение.

В современном научном и политическом дискурсах, отражающих широкую палитру теорий, концепций, подходов к изучению проблемы нации, одним из наиболее значимых является тезис о том, что развитие национальных обществ будет происходить под знаком мультикультурализма. По мнению Ю.Хабермаса, мультикультурализм, формирующийся в Европе под давлением мировых миграционных процессов, роста численности населения планеты, компьютерной модернизации экономики, создания мультинациональных концернов, экологических катастроф является не выбором европейцев, а скорее, настоятельной необходимостью (Habermas, 1993: 215-216). Несмотря на то, что на фоне процессов глобальной интеграции национальные государства все более утрачивают свои позиции по защите национальной экономики, обеспечению своими силами экологической безопасности, а их внутренняя и внешняя политика становится все более зависимой от международных наднациональных политических структур и институтов, в политических границах государства, по-прежнему, находится место для сосуществования и сотрудничества различных этнических и культурных сообществ, соответственно, в будущем

оно так же будет выполнять важнейшую интегрирующую функцию в экономической, политической, социальной и культурной сферах жизни национального общества (Куропятник, 2000:61). Нация, как форма существования государственно-политической общности, с точки зрения мультикультуральной перспективы развития, и далее будет сохранять свое значение (Huebner, 1994: 41; Richter, 1996: 152-247).

Иными словами, кризис современного национального государства вызвал к жизни две основных тенденции, определяющие его усилия по достижению социальной стабильности, во-первых, стремление к защите и, во-вторых, утверждение принципов различия. Они проявляются в том, что в новой социально-политической и экономической ситуации, когда государство стало подвергаться мощным воздействиям глобализационных процессов, активно стали включаться внутренние механизмы интеграции, базирующиеся на самосознании и культурных различиях (Комарофф, 1994: 55). Это весьма важное положение позволяет предполагать, что государство, как и прежде, будет выступать важнейшим элементом межгосударственной системы отношений, которая базируется не только на основе национального суверенитета, но и на равновесии сил (Wallerstein, 1986: 15). В связи с этим центральный вопрос современности состоит в том, будет ли претерпевать международная государственная система радикальные изменения в сторону ее дробления и увеличения количества небольших национальных политических образований или же будущее человечества станет определяться в границах крупных национальных обществ, признающих и поддерживающих свой мультиэтнический и мультинациональный характер.

Мультикультуральный выбор современных национальных обществ обусловлен, согласно Э.Хобсбауму, тем, что «культурный плюрализм и свобода в наше время почти наверняка надежнее гарантированы в крупных государствах, сознающих и признающих свой многонациональный и многокультурный характер, нежели в мелких странах, которые стремятся к

идеалу этнолингвистической и культурной однородности» (Хобсбаум, 1998: 294).

Справедливость этого положения подтверждается не только широким развитием иммиграционных процессов, взаимным обменом населением между различными национальными обществами и континентами, которые определяют их современную этнокультурную пестроту, но и внутренней динамикой развития современных наций, национальных государств, в границах которых набирают силу как национальные, так и субнациональные тенденции и движения. Необходимость внедрения мультикультуральной идеологии в исторических национальных государствах обуславливается, с одной стороны, национальными меньшинствами, угнетение которых стимулирует этнонационализм, с другой — этническими группами иммигрантов, выступающих за культурный и этнический плюрализм общества, против «тирании социального большинства, которое использует законы для подавления меньшинства» (Shell, 1987: 266). В одном случае доминирующей является потенциальная опасность эскалации этнонационализма и сепаратизма, в другом — идеи этнокультурного сообщества, противостоящей «социальной ассимиляции меньшинств» (Gleassner, 1994: 73).

С точки зрения мультикультурализма отдельные страны, где иммиграционный приток населения пересекается с процессами конституирования новых наций коренными этническими группами, могут выступать одновременно как мультиэтнические и мультинациональные (Kymlicka, 1995: 17). К таким странам можно отнести, например, Испанию, Великобританию, Канаду, Россию и ряд других государств, мультинациональный ха'рактер которых определяется наличием исторических, «своих» национальных меньшинств, а полиэтничность - современными миграционными и иммиграционными процессами. Взаимное пресечение и взаимная обусловленность двух этих важных социальных дискурсов детерминируют, как представляется, сущность современной

дискуссии по проблеме нации. Она состоит в том, что формирование национальной идентичности и нации нового типа обуславливает признание равенства культур национального большинства и национальных или этнических меньшинств, а также их дальнейшее развитие на основе принципов мультикультурализма (Sellers, 1991: 13; Gleassner, 1994: 57). Важнейшим из них является принцип введения всего многообразия социальных отношений и конфликтов в правовое поле государства через активизацию его посреднических, регулятивных функций (Shell, 1987: 264, 266). Государство, таким образом, выступает в качестве важнейшей категории для освещения проблемы стабильности современной нации, а также ее отличия от этнической группы (Eriksen, 1993: 99).

В современных социальных и политических науках, так же как и несколько десятилетий назад, сохраняется положение о том, что «дихотомия» процессов нациеобразования, «нациегенеза» является достаточной для научного «конструирования» основных объяснительных моделей национального развития. Согласно одной из них, нация — это этнос. Согласно другой, нация — совокупность всех граждан государства, все его население (Семенов, 1996: 9). В первом случае тип нации рассматривается как этнокультурный и соотносится с немецкой нацией, в другом - как политический и сопрягается с французской нацией. Х.Мюнклер предложил дифференцировать две основные формы нации, а именно нацию государственную и нацию культурную. В соответствии с этим необходимо различать также «две формы нациегенеза: «государствоцентрированную» и «культуроцентрированную». Основанием такого подразделения путей формирования нации являются сущностные различия между такими категориями, как «нация» и «государство»» (Muenkler, 1996: 76).

Между тем отчетливое подразделение нации в теоретическом плане на два типа не означает, что они существуют в идеал-типической форме только благодаря политическим или культурным основаниям. На практике они взаимно пересекаются и взаимно дополняют друг друга. Представление о

двух основных типах нации — этнической (культурной) и политической, широко утвердившееся в социальных науках, с точки зрения социологии не выдерживает критики. Два пути ее конструирования, скорее, накладываются друг на друга, нежели представляют отчетливо разделенные, обособленные процессы (Тишков, 1998: 6; Giessen, 1991: 13).

В европейском научном и общественном дискурсах нация — как в политическом, так и этнокультурном вариантах — соотносится с идеей гомогенности. Нация как культурная общность, в полном смысле этого понятия, возникает лишь в границах национального государства, т. е. утверждается политически. Возможен и иной вариант, когда в рамках национально-государственной общности с течением времени возникает единая для всех ее членов культурная идентичность. Ее формирование обуславливается тем, что группы, находящиеся у власти, стремятся в пределах существующего государства создать народ, заново его сконструировать за счет ассимиляции и уничтожения других народов и этнических групп, входящих в его состав (Wallerstein, 1982: 16). Это положение является важным для анализа современных процессов национальной реидентификации, поскольку большинство современных политических обществ являются мультиэтническими. Однако в данном случае справедливым следует признать так же тезис М. Уолцера о том, что «в национальном государстве меньше пространства для различий, чем в мультикультуральных империях» (Walzer, 1994:250).

В прошлом для достижения национальной гомогенности осуществлялись следующие политики: уничтожение меньшинств, массовые этнические чистки, геноцид, ассимиляция и навязывание религии, культуры, языка большинства» (Kymlicka, 1995: 2). Результатом подобного отношения государства к национальным и этнокультурным меньшинствам явилось то, что страны Западной и Северной Европы уже к началу XX в. имели очень высокую степень национальной гомогенности.

На этом историческом фоне основное различие между государствами Западной и Восточной Европы заключается в том, что западные национальные общества уже вступили в стадию постнационального развития, тогда как восточноевропейские страны переживают период «балканизации», «этнизации» или, как заметил Э. Хобсбаум, «ливанизации» (Хобсбаум, 1998: 295) своих национальных обществ. Научная категория «этнос» превратилась в них в мировоззренческую, в соответствие с которой понятие нации как этносоциального организма продолжает оставаться господствующим. Как следствие новые государства в этих регионах очень скоро стали переживать острые межэтнические конфликты, которые ни по накалу борьбы, ни по своей жестокости никогда не были известны в западных и северных европейских регионах. Таким образом, возникновение национальных государств в Южной и Восточной Европе по западноевропейскому образцу, где политика внутренней гомогенизации населения достигла значительных успехов прежде, чем возникло национальное государство в его современном понимании, стало основной причиной последующей этнической конфликтности и нестабильности восточно— и южноевропейских национальных обществ (Muenkler, 1996: 68; Скворцов, 1996: 166).

При этом идея этнокультурной сущности нации уводит восточноевропейские государства к такому состоянию социальной теории и национальной идеологии, которые, по мнению Ю. Хабермаса, можно трактовать как возврат в прошлое или как «господство прошлого над будущим» (Habermas, 1993: 214). Это «прошлое» хорошо известно, из истории полиэтнических государств и характеризуется ассимиляционным подавлением одних этнических и культурных групп другими, «политически господствующими» группами населения. При чем они выдают «себя за единственную «истинную», «реальную» и «настоящую» нацию или, по меньшей мере, за ту модель, к которой остальные в пределах государства должны или призваны приспособливаться» (Нагенгаст, 1994; 191).

В этой связи особенно опасными становятся утверждения о том, что национальное единство вырастает из этнических целостностей, а сама нация, национальное государство понимаются как «завершение национального бытия», как важнейшее достижение «политически удачливых этнических групп» (Hettlage, 1997: 22). Между тем образование современного национального государства, по сравнению с традиционным обществом, его этнокультурной партикулярностью, сопровождается фундаментальной конституционной трансформацией власти. На социальном и культурном уровнях она вызывает значительные потрясения с точки зрения перераспределения идентичности — как индивидуальной, так и коллективной. По справедливому замечанию И. Рашке, проблема изменения идентичности всегда связана с приспособлением к новым социальным отношениям. Ее кризисное состояние возникает при этом либо на основе угрозы разрушения уже существующей идентичности, либо по причине ее отсутствия как общегруппового феномена в политически организованных коллективах. Известно, что отсутствие или слабость общественной идентичности ведет к созданию новой идентичности, но уже на другом уровне, например, региональном или субнациональном (Raschke, 1988: 157-156; 429).

Волна национализма, подобно эпидемии охватившая бывшие социалистические страны, свидетельствует не о триумфе идеи нации — государства, с ее обязательным требованием культурной унификации и политического самоопределения, а, скорее, о ее кризисе, который охватил, по мнению Э. Хобсбаума, как старые, так и новые национальные государства (Хобсбаум, 1998: 294- 296). Всплеск «новых национализмов» на фоне процессов «демократизации» тем удивительнее, что различные этнические группы, которые прежде, хотя и в условиях тоталитарных режимов, на протяжении десятилетий мирно сосуществовали, теперь находятся в состоянии вражды по отношению друг к другу.

С точки зрения К. Гоштоны, развитие процессов социальной и этнокультурной дезинтеграции в восточноевропейских обществах обусловлено тем, что в условиях динамичных социально-экономических и политических трансформаций националистическая идеология скорее находит свою социальную базу, чем идеологии либеральные. Кроме того, трансформационные процессы, осуществляемые в логике механизмов разделения, очень скоро приводят к неконтролируемой эскалации. Нормализация отношений в этих условиях затруднена. Они не могут быть стабилизированы даже усилиями лидеров национальных государств (Gosztonyi, 1993: 630). Тезис о том, что межэтнический конфликт может рассматриваться «как знак нормализации» общественных отношений, теряет в этом случае свое социальное значение (Habermas, 1993: 212).

Анализируя характер развития этнонациональных процессов в странах Восточной Европы, немецкий исследователь Р. Хеттлаге выделяет стремление некоторых этнонаций к сохранению этнической культуры в качестве доминирующей их составляющей. Он считает, что дифференциация между этнической, национальной и европейской ориентацией стран Восточной Европы отчасти обусловлена своеобразной позицией некоторых социальных слоев этих обществ и, прежде всего интеллигенции. Именно интеллигенция внесла решающий вклад в разрушение тоталитарных режимов, однако сегодня она дистанцируется от западноевропейских культурных стандартов, опасаясь их экспансии в культуру этническую. Эта позиция отвечает в полной мере идеям этнической, культурной элиты. Объективно она способствует активизации этнонациональных движений, которые стимулируют, в свою очередь, рост национального (этнического) самосознания. Позиция культурной элиты весьма тонко используется в интересах элиты этнополитической, которая провоцирует этнический национализм. В соответствии с этим методы ее управления соответствуют методам управления тоталитарных режимов, олицетворяющими собою идею господства центра над периферийными регионами (Hettlage, 1997: 21-22).

Итак, основные тенденции национального развития восточноевропейских национальных государств определяются следующими основными факторами: признанием в ряде случаев социально-политической релевантности идеи нации-государства, господствовавшей в XIX столетии (Хобсбаум, 1998: 294), этнокультурного понимания сущности национальной общности, этнизацией социальных отношений и политических процессов. По этому этнополитическому сценарию происходит развитие этнонационализма, идеология которого скорее находит социальную почву в условиях общественных трансформаций, чем идеология либеральная, предполагающая известный уровень социальной стабильности. Определенное значение имеет незавершенность процессов нациеобразования по западноевропейскому образцу, недостаточная национально-политическая, но не этнокультурная, гомогенность населения государства. Впрочем, задача этнокультурной гомогенизации «подданных» никогда не являлась центральной, например, в идеологии мультиэтнической Российской империи.

Дистанцирование части современных российских этнокультурных элит от западных культурных образцов, возникших, в том числе, в результате успешной политики гомогенизации и государственного подавления периферийных этнокультурных сообществ, в этом плане является весьма показательным. Этнокультурная будущность национальных, этнических и других меньшинств имеет больше перспектив в мультикультуральном обществе, которое определяет себя через внутренний культурный и этнический плюрализм. В связи с этим отказ от идеи гомогенной нации западноевропейского типа является для России исторически оправданным. Он предполагает поиск, создание перспективной модели или моделей межнационального, межэтнического и межкультурного сотрудничества в границах существующего российского государства.

Одна из актуальных, но весьма нежелательных перспектив развития российского национального общества происходит в направлении этнонационализма, прикрываемого риторикой «этнокультурного

возрождения», который сопровождается постепенным усилением этнополитического, этногосударственного обособления на региональном уровне (Ургалкин, 1995: 150). Это путь, ведущий к эскалации конфликта, социальной дестабилизации и распаду Российского государства. Этнонационализм в его расширенном понимании — это не только стремление к созданию национального государства или местных, региональных социально-политических образований, но также и региональные и субнациональные реакции и сопротивление сверхцентрализации и гегемонизму государства. Другая перспектива его развития связана с укреплением мультикультурального характера российского общества. Мультикультурального не только в плане «официального добрососедства» народов, но и в плане осознанного признания этнического и культурного плюрализма как важной характеристики нации, национального общества, инструментального использования либеральной идеологии, принципами которой должны быть пронизаны все уровни государственной политики. С позиций современного российского либерализма этнические группы, этносы — лишь национальные меньшинства, которым «оказывается поддержка в, сфере культуры и образования, защиты от произвола и неуважения к традиционному образу жизни» (Матвеева, 1997: 52),

Взгляд на проблему нации с точки зрения либеральной мультикультуральной идеологии предполагает выделение двух основных перспектив анализа сущности этого феномена, которые взаимно пересекаются, дополняют друг друга, а в ряде случаев создают иллюзию их полной тождественности. Речь идет, прежде всего, о соотношении, формах взаимосвязи и степени взаимной обусловленности таких категорий, как «нация», «государство»,

«идентичность».

Особенность использования последней категории нуждается в уточнении, поскольку представляется более точным и важным говорить об

идентичности в широком значении этого термина и, соответственно, об иерархии идентичностей: национальной, региональной, социальной, этнической, культурной, локальной, ранговое положение которых в структуре или «иерархии» индивидуальных и групповых идентификаций может быть различным. Как отмечает Н. Скворцов, «каждый тип общества обладает собственными неэтническими критериями группового членства, а в сложноорганизованных обществах они особенно распространены. Идентичности здесь являются комплексными по своему характеру. Различные формы групповой лояльности и группового членства могут либо соответствовать этническим параметрам, либо лишь частично пересекаться с ними» (Скворцов, 1996: 179).

В этой связи важно адекватно отразить механизм взаимного перехода, пересечения, дополнения, а также взаимного отрицания идентичности этнической, этнокультурной и идентичности национальной. Разнообразие способов достижения и манифестирования национальной идентичности существенно затрудняет ее точное определение. Как минимум, при ее конструировании имеют значение как примордиальные факторы или символы (исторические, территориальные, культурные, языковые), так и политические границы, в которых этот процесс происходит. Следует, однако, подчеркнуть, что на практике не существует отчетливо заданного набора признаков для определения или формирования национальной идентичности, на основе которых гарантировался бы единообразный алгоритм возникновения национальных движений, современных наций и национальных государств.

Современные исследования проблем нации и национализма, на основе указанных категорий, осуществляются в нескольких важнейших направлениях. Одно из них предполагает полное совпадение, логическое соответствие «нации», «государства», «национальной идентичности» или, по меньшей мере, взаимное пересечение этих терминов. В этом случае доминирующей категорией анализа становится «государство»,

институциональной задачей которого является постоянная поддержка этого соответствия всеми имеющимися в его распоряжении средствами. При этом «соответствие» часто выступает как прямое тождество этнокультурной гомогенности и, соответственно, связано с ассимиляционистской идеологией давления «национального большинства» на «меньшинство». Усиление взаимной связи между государством, нацией и национальной идентичностью достигается посредством реализации особой политики, в рамках которой можно выделить несколько интегративных стратегий.

Сущность первой стратегии состоит в том, что этнические и региональные различия, известная обособленность групп населения в границах государства должны быть устранены. Социальные образования, социальные идентичности на групповом и индивидуальном уровнях должны быть пронизаны идеей формируемой общности. В этом случае ни одно из существующих этнических и культурных меньшинств не может «подняться» до уровня нации. Будучи ее частью, сегментом, «меньшинство» вынуждено подчиняться требованиям национальной гомогенности, которая охватывает все стороны жизни. Процессы гомогенизации затрагивают в первую очередь язык, повседневную культуру, стратегии поведения, которые способствуют, в конечном счете, укреплению у разных групп населения «государства — нации», осознания своего единства, общности, основанной на идее сопричастности. Однако в этом случае, справедливо подчеркивает Ю. Хабермас, слабость меньшинств в борьбе за свое признание вынуждает их занимать регрессивную позицию (Habermas, 1994: 118).

Особенность второй стратегии заключается в «разрушении» этнокультурных особенностей региональных и локальных сообществ населения. В этом случае представления их членов о региональной и локальной коллективной независимости, известной «самодостаточной» автономности, устраняются посредством формирования и пропаганды общегосударственной национальной идеологии. Она является самым действенным средством противостояния идеологии сообщества, ибо

усиливает на индивидуальном и групповом уровнях представление об общности судеб членов сообщества как членов нации, их политической сопричастности и, соответственно, общей ответственности за принимаемые решения. Национальное единство укрепляется при этом созданием единой экономической и финансовой систем, налоговой и социальной политики, «среднего стандарта» уровня жизни.

Сущность третьей стратегии состоит в создании, в границах нации, общего культурного и духовного ее фундамента. Этот этап формирования нации -государства можно назвать «периодом ее мифологизации», институциональной гомогенизации национальной культуры. Например, это отражается в определенных архитектурных стилях, которые распространяются по территории государства, в создании национально значимых природных заповедников, в сохранении исторических памятников культуры, их манифестации как национальных, в произведениях искусства, поддерживаемых духовных традициях. Сюда же следует отнести общность истории нации, ее военных побед и поражений, старых и новых революций, которые либо заложили ее основы, либо предопределили ее будущее. На практике, культурные региональные особенности, как правило, в той или иной мере сохраняются, но они приобретают статус общенациональных, т. е., включенных в национальную идеологию и культуру как «свои».

Как представляется, этот вариант национально-государственного развития соответствует мультикультуральной перспективе становления нового российского общества. Ее основные либеральные принципы могут заключаться в том, что многонациональное, полиэтничное общество является открытым как внутренним межкультурным взаимодействиям, так и внешним влияниям. Оно не изолирует себя от внешнего мира, а есть его часть. Этничность в этом случае — дело индивидуального выбора социокультурной ориентации. Национальная проблематика сдвигается на периферию общественной жизни в том смысле, что этническая партикулярность, сохраняя и развивая свое содержание, выводится из

актуального политического дискурса и политической практики как основа этнонационалистического развития. Именно эта тенденция национальной и государственной будущности России должна быть доминирующей в государственной идеологии. Это важно потому, что там, где традиция государственности не обеспечивала укрепления национального единства, чувства сопричастности к национальному обществу и государству всех групп населения на локальном и региональном уровнях твердым и устойчивым каркасом, локальная и региональная идентичность редко перерастала в общенациональную, «в современный национальный патриотизм» (Хобсбаум, 1998: 120).

В рамках другого направления исследований поднимаются проблемы, отражающие в целом несовпадение, известный дисбаланс между нацией, государством и идентичностью. При этом речь идет, как правило, об усилении регионализма, представлений об особом пути этнонационального развития, подчеркивается значение идеологии сообщества, основывающейся на идее общего происхождения, особых формах коммуникативных стратегий, важности пространственно-временных связей. В этом случае понятие «народ» соотносится с понятием «этнос». Подобные тенденции особенно сильны там, где правительства слабы, а поиск социальной, культурной, этнической, гуманитарной безопасности переносится на уровень сообщества. Общая групповая принадлежность, религия, социальные нормы и ценности, передаваемые через семью, имеют возможность сохраняться. Как отметил в этой связи Р. Хеттлаж, «все современные государства развивались в направлении общества в конкуренции с этими условиями. Именно через преодоление этих трудностей происходило развитие сообщества в общество» (Hettlage, 1997: 27).

Известная этнокультурная сегментированность таких национальных обществ способствует развитию дезинтегративных тенденций как на горизонтальном уровне, т. е. во взаимоотношениях с аналогичными образованиями, так и по отношению к государству. Как правило, подобные

стратегии развития характерны для групп меньшинств, национальное «этническое» большинство которых, либо имеет собственное национальное государство, либо имеет статус нации, «влиятельной» этнической группы в границах другого государства. С этой точки зрения «границы современного государства произвольны и нестабильны. Эта произвольность и нестабильность проистекают из того факта, — подчеркивает И. Уоллестейн, — что государства появляются как результат социального творчества. Для устойчивого существования они нуждаются в некоем обруче. Таким обручем является национализм. Границы государства — это юридические и политические образования. Границы нации — это социально-психологические образования. Они пролегают там, где в них непосредственно есть потребность» (Wallerstein, 1986: 16).

Примером подобного варианта развития национально-государственной жизни является так же современная Россия. Проблема российской нации до настоящего времени остается слабо разработанной. В этом плане «интеллектуальное» молчание ученых оборачивается митингами и шествиями этнонационалистов. Между тем исторические реалии таковы, что совместно с другими народами России русские образуют современную индустриально развитую российскую нацию.

В отличие от других народов России, например, татар, башкир, бурят, тувинцев, алтайцев, русские не имеют своей «собственной» республики. В связи с этим можно говорить о государствообразующей роли русских в целом для Российской Федерации. Это положение ни в коем случае не следует связывать с требованиями русских националистов создания Российской империи и, соответственно, утверждения в ней «господства» русских. Скорее, нуждается в исследовании вопрос о характере российской нации, поскольку она включает в себя нации, конституировавшиеся в границах национальных республик, входящих в состав России, что привносит в понятие нации некоторое противоречие, ибо последняя может пониматься как многоуровневое образование (Куропятник, 1997: 6,9).

При этом следует принимать во внимание не только тот факт, что сосуществование различных наций в границах единого государства является источником его культурного многообразия, но также и то, что нация означает здесь историческую общность, институционально оформленную, занимающую определенную территорию, разделяющую определенный язык и культуру. Российское общество с этой точки зрения представляет собою образование мультинациональное. По мнению У. Кимликки, нация, в социологическом смысле, очень близка к понятию «народ» и «культура». Соответственно, «нация», «народ» и «культура» не только могут рассматриваться в терминах друг друга (Kymlicka, 1995: 11), но и соотноситься с идеей «этногосударства». Если «часть народа стремится к политической власти для своей этнической и языковой группы, ее можно определять как «национальность». Соединение народа, власти и государства — это уже нация (Bredow, 1987:15).

Однако при анализе этнонациональных процессов в России важно принимать во внимание то обстоятельство, что на основе идеологии «старшего брата», «ведущей нации» происходила ассимиляция не только народов России, но и самих русских. Это не парадокс, так как государство не было русским, идеология его имела целью взаимную интеграцию всех элементов общества в нечто новое, третье, особое образование. Конечно, с общим государственным языком — русским, единой культурой, на основе русской культуры, но не соответствующей ей и даже более того, разрушавшей последнюю. Одним из перспективных вариантов исследования этой проблемы и решения задачи социальной стабилизации общества может быть политика взаимного признания, толерантности и равноправия всех культур и народов страны, т. е. методология и идеология мультикультурализма. Весьма показательна в этом плане политика государств Северной Европы (Куропятник, Куропятник, 1999: 174,176).

Сравнение социально-статусных позиций между российским национальным большинством и «меньшинствами», имеющими собственные

государственные образования, позволяет выделить две линии противоречий, касающихся рассматриваемой темы, а именно несоответствия понятий «нация меньшинства» — «нация большинства», а также понятий «национальное государство меньшинства» в границах «национального государства большинства». Несомненно, что понятийно-терминологическое противоречие находит свое отражение и в формах национальной, этнонациональной идентичностей, которые поддерживаются весьма развитыми этнонациональными, региональными компонентами центральной культурной системы (Куропятник, 1997: 47-50).

Итак, в системе национальной идеологии идентичность населения занимает весьма важное положение, так как от ее характера, состояния зависит не только сохранение социальной стабильности общества, но и жизнеспособность национального государства. В данном случае речь идет в первую очередь о характере национальной идентичности, а также о степени ее сопряженности с иными формами и уровнями самоидентификации на групповом уровне. Развитие этносоциальных процессов в странах Восточной и Западной Европы в последние годы свидетельствует о том, что индивидуальная, групповая, региональная и общенациональная идентичности приобретают новую конфигурацию взаимной сопряженности, которые не всегда соответствуют ожиданиям национального государства. Можно предположить, что хорошо известная структура социальной идентичности приобретает новый компонент в качестве доминирующего, а именно идентичность региональную и трансрегиональную в границах единого государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кисе Э. Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Этничность и власть в полиэтничных государствах / Под ред. Тишкова В.А. М., 1994. 133 — 177.
2. Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX в. // Этничность и власть в полиэтничных государствах / Под ред. Тишкова В.А. М., 1994. 35-70.
3. Куропятник А.И. Мультикультурализм и полиэтничность, парадигмы изучения этносоциальных процессов // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 1997. Вып. 3. 155-158.

4. Куропятник А.И. Национальное меньшинство // Нации и этносы в современном мире. Словарь — справочник / Под ред. Росенко М.Н. СПб., 1999, 42 -43.
5. Куропятник А.И., Куропятник М.С., Саамы: современные тенденции этносоциального и правового развития // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.П. СПб., 1999. №4.172-177.
6. Куропятник А.И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 111. СПб., 2000. №2. 53-66.
7. Куропятник А.И. Мультикультурализм и нация: к проблеме стабильности мультинациональных и полиэтнических обществ // Социология и общество. Тез. Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб., 2000. 61-62.
8. Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб., 2000. 207 с.
9. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. 43-53.
10. Матвеева С.Я. Национальные проблемы России: современные дискуссии // Общественные науки современность. 1997. №1. 52-62.
11. Нагенгаст К. Права человека и защита меньшинств: этничность, гражданство, национализм и государство // Этничность и власть в полиэтничных государствах / Отв. ред. Тишков В.А. М., 1994. 177-202.
12. Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб. 1999. 203 с.
13. Сикевич З.В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 11. СПб., 1999. №2. 71-81.
14. Скворцов Н.Г. Этническое меньшинство // Нации и этносы в современном мире. Словарь — справочник / Отв. ред. Росенко М.Н. СПб., 1999. 96-97.
15. Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996. 183 с.
16. Суси П.И. Нация, культура и кризис идентичности: эссе о мультикультуральных обществах // Этничность. Национальные движения. Социальная практика / Под ред. Дресслер-Холохан В., Скворцова Н.Г., Хабибуллина К.Н. СПб., 1995.
17. Тишков В.А. Антропология российских трансформаций // Этнографическое обозрение. 2000. №1. 1-19.
18. Уолцер М. О терпимости. М, 2000. 160 с.
19. Ургалкин Ю.А. Регионализация национальных отношений в Российской Федерации. Философско-методологический аспект. Самара, 1995. 161 с.
20. Anderson B. Die Erfindung der Nation. Zur Karriere eines folgenreichen Konzepts. Campus Verlag. Frankfurt; New York, 1993.216.
21. Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. London, 1996.270.
22. Eriksen T. H. Ethnicity and nationalism. Anthropological perspectives. London, 1993. 179.
23. Forudastan F. Kommentar // Frankfurter Rundschau: 1996. 29. 02.
24. Geissler R. Die Sozialstruktur Deutschlands. Opiaden, 1992. 348.
25. Gellner E. Nationalisms and Modeme. Berlin, 1991. 216.
26. Gleassner D. Das Fremde, Fremdheit und Identitaet// Das Fremde / (Hrsg) Schaeffter O. Opiaden, 1994. 45 - 55.
27. Gosztonyi K Nationalitaetenkonflikte in ehemals sozialistischen Laendem, Ein Apieltheoretisches Modell // Osteuropa. 1993. № 7. 630-640.
28. Habermas J. Vergangenheit als Zukunft Das alte Deutschland jm neuen Europa? Ein Gespraech mit Michael Haller. Zuerich, 1993. 217.
29. Habermas J. Die Festung Europa und das neue Duetschland \\ Die Zeit. 1993. № 22,3.
30. Habermas J. Struggles for Recognition in the Democratic Constitutional State // Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition / Ed. by Gutmann A. Princeton; New Jersey, 1994. 107-148.
31. Hoffmann ,L. Globale Stabilisierung. Neue Aspekte der Wanderungspolitik nach dem Ende des bolschewistischen Imperiums // Einwanderungsland - Deutschland. GoeUingen, 1993. 10-17.
32. Kymlicka W. Multicultural Citizenship. A liberal theory of minority rights, Clarendon press — Oxford, 1995. 280.
33. Muerider H. Reich, Nation, Europa. Modelle politischer Ordnung. Weinheim, 1996. 150.

34. Rohmann G. Salman Rushdie The Satanic Verses und Hanif Kureschi. The Buddha of Suburbia: Pride and Prejudice ira Londoner Ghetto // Zuwanderung: Bedrohung oder Bereicherung? Beitrage zur Immigration und Integration in ausgewahlten Laendem Westeuropas und Nordamerikas / (Hrsg) Dippel H. Muenster; Hamburg, 1994. 43-51.
35. Schuiz E. Die deutsche Nation in Europa. Internationale und historische Dimensionen. Bonn, 1982. 272.
36. Shell K. Liberalismus // Handbuch Politikwissenschaft. Grundlagen -Forschungskand — Perspektiven / (Hrsg) Goerlitz A. Hamburg, 1987. 264-269.
37. Sellers W. Konstruktionsversuche nationaler und ethnischer Identitat in der amerikanischen Literatur // Nationale und kulturelle Identitat Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewusstseins in der Neuzeit / (Hrsg) Geisen B. Frankfurt am Main, 1991. 537-570.
38. Stichweh R Nation und Weltgesellschaft // Das Prinzip Nation in modernen Gesellschaften / (Hrsg) // Estel B., Mayer T. Opiaden, 1994. 83-96.
39. Tibi B. Im Banne des Multikulturalismus // Aktuell. Auslaender, Aussiedler, Asuel in der Bundesrepublik Deutschland / (Hrsg) Bade K., Hannover, 1994. 189.
40. Wallerstein I. Krise als Uebergang // Dynamik der Globalen Krise / (Hrsg) Amin S., Arrighi G., Frank A.G., Wallerstein I., Opiaden. 1986. 4-35,
41. Walzer M. Comment // Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition / Ed.Gutman A. Princeton; New Jersey, 1994. 99-103.
42. Walzer M. Die Kommunitaristische Kritik am Liberalismus // Kommunitarismus. Eine Debatte ueber die moralischen Grundlagen moderner Gesellschaften / (Hrsg) Honnerth A. Frankfurt; New York, 1994. 157-180.